

DOI: 10.33184/dokbsu-2023.4.9

Генезис художественного сознания и эволюция этничности адыгов в диалоге культур

© Ю. М. Тхагазитов*, Р. А. Керимова

*Институт гуманитарных исследований –
филиал ФНЦ «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»
Россия, Кабардино-Балкарская республика, 360051 г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.*

**Email: yutkhag@gmail.com*

В статье рассматривается генезис художественного сознания и трансформационные процессы в современном российском обществе. При этом особое внимание обращено к феномену формирования этноисторических реконструкций, политический потенциал которых ставит под угрозу ментальную консолидацию народов РФ. В процессе исследования выявлено, что социокультурные противоречия способствуют эволюции национальной литературы, истоки которой связаны с «Историей адыгейского народа» Ш. Ногмова, с его легендами и преданиями о народе.

Ключевые слова: эволюция художественного сознания, этнос, просветители.

Раз судьба связала русских и горцев,
то требуется выработать «модус вивенди» –
формулу жизни, взаимные отношения,
приличествующие двум бывшим
достойным врагам.

С. Сиюхов

Известно, что в результате некорректной унификации подходов к освещению исторических фактов этносов происходит снижение достоверности и уровня приемлемой для общественного сознания аргументированности тех или иных гипотез. В этом аспекте справедливы замечания В. Х. Кажарова: «Низкий уровень духовной культуры и исторического сознания (во многом вызванный отсутствием фундаментальных трудов по истории адыгов) плодит фальсификаторов и провоцирует создание этномифологических систем, что в конечном итоге обостряет межнациональные отношения». Положение – утверждал исследователь – усугубляется ещё и тем, что «резко обозначилась маргинализация сообщества профессиональных историков» [1, с. 11].

И эти, указанные В. Кажаровым тенденции, к сожалению, порождают экспансию суррогатных и сомнительных публикаций на отсутствия академической фоне безнадежного истории народов Северного Кавказа. Северный Кавказ не смог в своё время объединиться,

но сегодня любые толкования этнических проблем прошлого – в т.ч., и «черкесского вопроса» – не могут, не должны являться причиной межэтнического разобщения [1, с. 13].

Диалектическое понимание этого вопроса давно зафиксировано в «Последнем из ушедших» Б. Шинкубы, который раскрыл и внутреннюю сторону трагедии адыгов: «вождь убыхов попадает в роковую ситуацию, из которой должен был вывести свой народ, не опираясь на его, народа идеальные, но чисто эмоциональные, т.е. внешнеполитические представления» [2, с. 13].

О создании «Истории адыгского народа» Шоры Ногмова в контексте «Имперской глобализации» мы уже говорили, а потому остановимся на данном произведении, как на неисчерпаемой основе тогдашнего диалога культур и дальнейшего развития кабардинской литературы.

Следовательно, мы считаем важным вернуться к письменно зафиксированному периоду нашей истории и подчеркнуть роль адыгских просветителей в нивелировании некоторых наблюдающихся сегодня осложнений в межнациональных отношениях в силу «своего» и «чужого» прочтения страниц Кавказской войны.

В 100-летнем сопротивлении российской колонизаторской политике создаются и распадаются политические союзы народов Кавказа. В этом сложном конгломерате политических страстей черкесы и в войне, и в политике, и в дипломатии продолжали неуклонно следовать исконной этике – качество, которое всегда вызывало уважение даже у врагов, а в русской литературе о Кавказе черкесы занимали доминирующее место.

Проблема столкновения Запада и Востока, ислама и христианства была понятна русским и адыгским представителям образованных слоев общества.

Но Кавказ был не только полем битвы, но он в тоже время оставался воплощением взаимообусловленности двух типов общественного сознания – европеизированного с его ностальгией по целостности мировосприятия у русских и устремленности адыгов к выходу из самодостаточности эпически-циклического бытия в «эсхатологическое» время.

Однако связь была настолько сильна, что ее невозможно было отменить никакой враждой. Эта трагическая история Кавказской войны навсегда зафиксирована М. Ю. Лермонтовым:

Я думал: «Жалкий человек,
Чего он хочет?.. Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?» [3, с. 67].

До сих пор мы возвращаемся к трагическим событиям Русско-Кавказской войны и мухаджирства, суть которой «в роковой невозможности правильного, разумного решения ...» [4, с. 108].

На протяжении XIX в. в русской литературе постепенно складывается «свое» отношение к сложной теме воспроизведения мира горцев: Уже в «Измаил-Бее» противоречивый мир черкесов воссоздается Лермонтовым на фоне романтизированного нрава его сынов:

«И дики тех ущелий племена,
Им бог – свобода, их закон – война,
Они растут среди разбоев тайных,
Жестоких дел и дел необычайных;
Там в колыбели песни матерей
Пугают русским именем детей;
Там поразить врага не преступленье;
Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро – добро, и кровь – за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь» [3, с. 27].

В данной национальной картине мира обозначены его основные архетипы, которые поверяются Лермонтовым романтическим типом сознания. Враги, с которыми горцы теперь столкнулись, несут им не только насилие и смерть, коим они умели противостоять, но и самое страшное для горца – унижение:

«Позор цепей
Несли им вражеские силы!» [3, с. 229].

В «восточной повести», герой возвращается из России, где испытал муки разочарования и раскаяния, в свой прежний «дикий» мир, но не находит даже родного аула, где он собирался укрыться от двоемирия. И тогда бывшего офицера русской армии ничто не удерживает от мщения за утраченную свободу:

«За кровлю сакли белой,
За близкий топот табуна
Тогда он мир бы отдал целый!..» [3, с. 229].

Образование, жизнь и любовь на Севере сделали Измаила «чужим» среди сородичей; но сама земля предков проявляет его природный дух.

«Казак умолк, но что с тобою,
Черкес? Зачем твоя рука
Подъята с шашкой роковою?
Прости улыбку казака!
Увы! свершилось наказание...
В крови, без чувства, без дыханья,
Лежит насмешливый казак».
Измаил-Бей действует не раздумывая:
«Щадить мне власти не дано» [3, с. 229].

Измаил-Бей теперь с ненавистью смотрит на Север, отвергает мир, породивший в нем разочарование, но вернуться в свой мир он уже также не может.

Преображение реального Измаила Атажукина и легендарного Измаил-Бея в героя романтической поэмы Лермонтова делает его одиноким странником, который «просвечен» традиционным черкесским концептом – «одиноким всадником»:

«Пусть кончит жизнь, как начал – одинок».

У истоков такой концепции, пожалуй, лежит народная легенда о будущем герое «восточной повести», одним из образов, связывающих их, является надмогильный камень Росламбека, мшистая скала, под которой однажды чечен рассказывает автору-повествователю предание об Измаил-Бее:

«Как серая скала, седой старик,
Задумавшись, главой своей поник...
Быть может, он о родине молился!
И, странник чуждый, я прервать страшился
Его молчанье и молчанье скал:
Я их в тот час почти не различал!» [3, с. 229].

Здесь Лермонтов ориентируется на реальную и легендарную историю Кавказа, на свое видение и понимание горного края как особого мира, существующего по своим законам. Художественный опыт изучения Лермонтовым «чужого» мира прокладывал путь постижения реальной и легендарной истории Кавказа не только русской литературе, но он был своеобразным идейно-художественным импульсом для становления и «ускоренного развития» русскоязычной романтической литературы просветителей.

Формирование европейских национальных культур в XVI–XVIII вв. определено переходом к новому времени и связано с буржуазными революциями в Англии и Франции.

На этот путь перехода к новой формации и к новой стадии развития культуры в XVIII в. вступает и Россия, процесс ее формирования как национальной будет завершен «всемирной отзывчивостью» А. Пушкина.

Именно она определит культурно-цивилизационную ориентацию русскоязычного просветительства, несмотря на бесконечно продолжающуюся Кавказскую войну. Адыгских просветителей будет привлекать также несомненная особенность русской литературы, которая выросла из фольклора и органически связана, прежде всего, с творчеством А. Пушкина.

В этом смысле «История адыгейского народа» Шоры Ногмова является для адыгов их историей, социологией и этнографией. Актуальность «Истории ...» Шоры Ногмова можно охарактеризовать словами А. Пушкина, адресованными «Истории государства Российского» Карамзина: «Это злободневно, как сегодняшняя газета».

«История ...» Шоры Ногмова – это прежде всего, идея «золотого века» адыгов, идеализации им исторического прошлого, которая, как показал Гачев, свойственна всем нациям на этапе обретения ими этно-национального сознания и самосознания. Указывая на эту типологию, Г. Гачев подчеркивает ее связь с литературным движением эпохи: «Эти процессы особенно сильно развивались в романтизме начала XIX в. и вылились в создание романтической историографии и исторического жанра в литературе» [5, с. 39]. Даже с художественной точки зрения это наиболее совершенные разделы его «Истории ...». Ученый, лингвист, владевший пятью языками, энциклопедист, занимавшийся науками, которые могли принести пользу его народу, Шора Ногмов представляет собой не писателя-художника в духе нового времени, а «духовного универсала», для которого художественное творчество лишь одно из проявлений его деятельности на благо народа и от имени народа.

Именно к такому роду литературы относится «История адыгейского народа», которая стала точкой опоры адыгов в период социального кризиса. Шора Ногмов собрал сведения о своем народе из разных источников и показал в своей «Истории ...» «золотой век» адыгов, который дает им духовный заряд для обретения в будущем пути национальной независимости.

«История ...» Шоры Ногмова представляет собой произведение, сравнимое в этом плане с произведениями Карамзина, «Витязем в тигровой шкуре» у грузин, «Повестью временных лет» у восточных славян, «Историей» Паисия у болгар, воспринимающимися как художественное воплощение эпох этно-национального возрождения. Все названные произведения, по концепции Г. Гачева, суть произведения «синкретической литературы», а потому в них обнаруживается «сплав фольклорно-художественного, языческого, религиозного типов сознания» [5].

Очень важный аспект проблемы становления этико-эстетической художественности в «Истории ...» обозначил сам Шора Ногмов: «Предание во всем сходно с историей» [6, с. 103], другое название «Истории ...» – «Предания черкесского народа». Здесь мы готовы согласиться с утверждением Б. А. Гарданова: «в основу своего труда Ш. Б. Ногмов положил исторический эпос. Народное устно-поэтическое творчество, исторические предания и песни не могли быть органически включены в текст «Истории адыгейского народа», если бы ее автор отказался от художественной образности в изложении исторического материала ... избрал и соответствующую этому содержанию форму изложения, чем придал своей «Истории ...», как литературному произведению, определенную стиливую стройность и целостность» [7].

Теоретическая необходимость и возможность функционирования такого методологического подхода, как представляется, убедительно аргументирована Р. О. Якобсоном: «В многообразной символике поэтического произведения мы обнаруживаем постоянные, организующие, цементирующие элементы, являющиеся носителями единства в многочисленных произведениях поэта (А. Пушкина – Ю. Т.), элементы, накладывающие на эти произведения печать поэтической личности. В пеструю связь поэтических мотивов, зачастую не сходных и не соотносящихся друг с другом, эти элементы вносят целостность индивидуальной мифологии поэта» [8, с. 145]. Для Шоры Ногмова таким связующим элементом произведения стала, на наш взгляд, просветительская идея «золотого века», ставшая лейтмотивом «авторского присутствия», которое проявляется в самых различных эпизодах, событиях, исторических лицах и судьбах людей.

В «Истории ...» Шора Ногмов выходит на античную мифологию, причем той поры, когда греческая государственность переживает кризис, а потому особенно остро воспринимает судьбу в ее «иррационалистически-индетерминистской тенденции» [6, с. 304], а, следовательно, она оказывается типологически близкой той стадии исторического развития адыгов, которую Шора Ногмов воспринимает как кризис «золотого века». К примеру, в одной из сюжетных линий произведения табунщик откапывает драгоценный панцирь. Автор «Истории ...», подчеркивая богатство и значимость панциря, связывает его с «золотым веком» адыгов. И по устойчивой традиции, выкопанный из земли клад приносит множество несчастий и бед героям этой драматической истории. Мотив данного мифа хорошо известен, например, в Скандинавской мифологии золото Рейна приводит к гибели не только людей, но и богов («Песнь о Нибелунгах»).

По сути «История ...» Шоры Ногмова является актуальной до сих пор, в плане сюжетов и тем для современной национальной литературы. Поэтому корни своеобразного синтеза романтических и народно-эпических традиций в «Черкесских преданиях», талантливо зафиксированные С. Казы-Гиреем, чей талант был замечен В. Белинским и А. Пушкиным, определившим его роль в литературе в своем восторженном предисловии к «Долине Ажитугай», восходят к «Истории ...». Свое отражение она находит и в

творчестве целой плеяды адыгских просветителей, но мы остановимся, прежде всего, на А. Г. Кешеве и К. Атажукине, чье творчество органически связывает деятельность первых адыгских русскоязычных писателей с просветительским баксанским культурным движением.

Основное внимание в своей деятельности А. Г. Кешев и К. Атажукин уделяют судьбам адыгских народов, стремясь найти наиболее верный путь, чтобы вывести их из трагической ситуации, явившейся результатом поражения в Русско-Кавказской войне и внутреннего кризиса адыгского общества и его культуры. Следовательно, они, как и их предшественники первой половины XIX в., осознают необходимость сохранения национальных основ культуры, ее преемственности, без чего невозможно было бы культурное развитие народов Северного Кавказа.

На этом уровне они отрицают и вместе с тем продолжают традиции своих предшественников. А. Г. Кешев и К. Атажукин также разделяют просветительскую идеологию, однако она существует уже в преодолении романтического мироощущения. С этим «своеобразным просветительским реализмом» связано и рождение в их творчестве рода публицистики. Так формируется новый этап просветительства, а, следовательно, и новый тип адыгской художественности.

В процессе формирования нового мировидения, близкого к реалистическому, творчество А. Г. Кешева удерживает национальные традиции (вплоть до идеи «золотого века»), являющиеся основой преемственности между русскоязычной прозой адыгов и становлением литературы на родном языке.

Художественный опыт русскоязычных писателей-романтиков, и прежде всего Хан-Гирея и Казы-Гирея, – одна из основ, к которой генетически восходит не только проблематика, но и поэтика национальной письменной литературы и, что очень важно, если русская литература, обращаясь к северокавказской ментальности перемещала его в «центр идейного движения эпохи» (Р. Юсуфов), то северокавказские писатели-просветители вносили свой вклад в расширение представлений о «всемирной отзывчивости» русской культуры [7]. Созданные на русском языке эти произведения органически связаны со «своим» этно-мифоэпическим сознанием, но также и с «чужими» типами сознания (романтизм, просвещение), которые литература в процессе восприятия инонационального художественного опыта не только унаследовала, но и развивала.

Таким образом, при всех социокультурных противоречиях, непреходящей «двудомности» плеяды адыгских писателей-просветителей (С. Хан-Гирей, А. Кешев, К. Атажукин) открывает пути будущего становления национальной литературы, которая будет постоянно возвращаться к ногмовской «Истории...», к легендам и преданиям родного народа и к его принципам художественного познания и изображения национальных характеров и этнической полноты бытия.

Литература

1. Тхагазитов Ю. М. Адыги (черкесы) и казаки в истории и политике России: опыт нравственного прочтения // Известия КБНЦ РАН. 2021. №1(19), С. 111–113.
2. Арутюнов Л. Н. Национальный художественный опыт и мировой литературный процесс. М.: Б. И., 1972. 26 с.
3. Лермонтов М. Сильней страданий роковых. Стихотворения. Поэмы. М.: Военное из-во, 1992. 558 с.
4. Гожев Г. М Царь-освободитель в пространстве свободы // Берегиня 777. Сова. №2(25). С. 106–109.
5. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством. М.: Раритет, 1997. 616 с.
6. Ногмов Ш. История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. 231 с.
7. Тхагазитов Ю. М., Казиева А. М. Истоки современного адыгского (северокавказского) литературного двуязычия (К 225-летию со дня рождения Шоры Ногмова) // Полиязычие и транскультурные практики. 2019. №16 (3). С. 330–336. DOI: 10.22363/2618-897X-2019-16-3-330-336.
8. Якобсон Р. О. Структурализм и телеология. В кн. Язык и бессознательное. М., 1996. 260 с.

The genesis of artistic consciousness and the evolution of the ethnicity of the Circassians in the dialogue of cultures

© Yu. M. Tkhangazitov*, R. A. Kerimova

*Institute of Humanitarian Researches –
branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences
18 Pushkin St., 360000 Nalchik, Kabardino-Balkar Republic, Russia.*

**Email: yutkhag@gmail.com*

The article discusses the genesis of artistic consciousness and transformation processes in modern Russian society. Special attention is paid to the phenomenon of the formation of ethnohistorical reconstructions, the political potential of which threatens the mental consolidation of the peoples of the Russian Federation. In the process of research, it was revealed that sociocultural contradictions contribute to the evolution of national literature, the origins of which are connected with the “History of the Adykhay People” by Sh. Nogmov, with its legends and traditions about the people.

Keywords: evolution of artistic consciousness, ethnic group, enlighteners.